Кр. Р2
П-52

В. Полторацкий

Под небом Родины

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В. 3.89

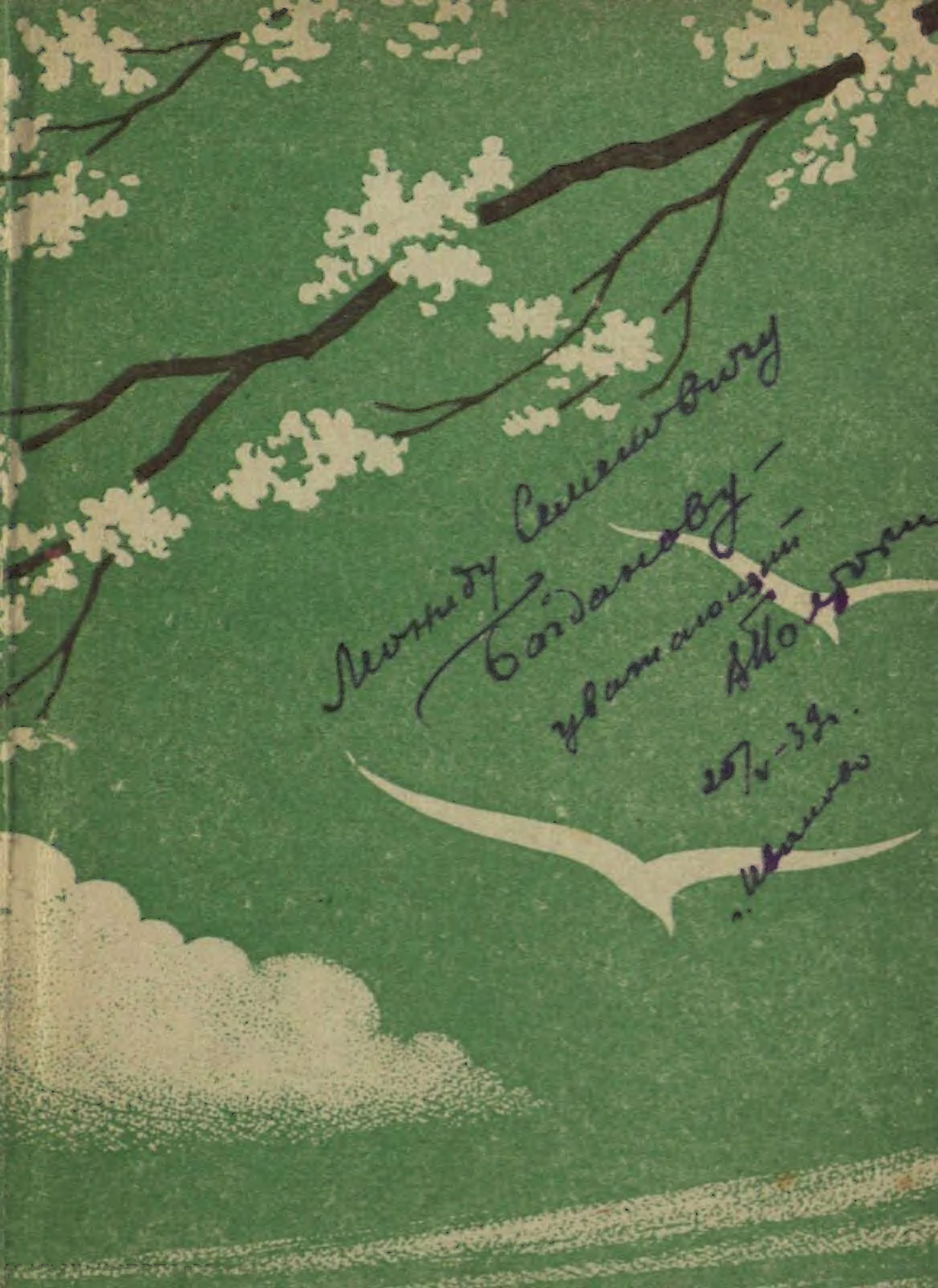
ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

EX LI
Л.С.Б

Воскресенская типография Т.



Леониду Семеновичу
Богданову –
уважающий –

27/V-39 г.

ретро+

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

ПОД НЕБОМ РОДИНЫ

СТИХИ

Л. Бирюков

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ИВАНОВО • 1938

Кр Р2
П—52

В большинстве своем стихи посвящены защите социалистической родины, лучшим людям—стахановцам, дружбе и любви. Особый раздел составляют стихи о героическом прошлом нашей страны.

*

Редактор Д. Г. Прокофьев.
Художник И. Т. Колочков.

Кр. 373147
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

КРЫЛЬЯ ЗНАМЕН

ПОЛК ТКАЧЕЙ

Над просторами нашей
Великой страны,
В золотой подымаясь зенит,
Ходит громкая слава
Гражданской войны,
Красной Армии слава гремит.

О Каховке поют,
О Джанкое поют,
Не забыть волочаевских дней...
Боевые друзья,
Вспомним юность свою
И споем эту песню о ней.

Злые тучи закрыли рассвет голубой,
Шел в грозе девятнадцатый год.
Фрунзе поднял ткачей
И повел за собой
В тот, овеянный славой, поход.

Сквозь уральские степи
На крыльях знамен

Двадцать пятая славу несла.
Будет помниться долго
Сломихинский звон,
Не забудется Бугуруслан.

По-над Белой рекой
Рыскал ветер как волк.
Теплой кровью кропили мы дол...
Помнишь, двести двадцатый
Ивановский полк
Сам Чапаев в атаку повел!

Не померкнут огни
Этих дней под Уфой.
Были наши сердца горячи,
Колчака накормили
Свинцовой ухой
Из своих трехлинеек ткачи.

С нами Фурманов был,
Комиссар молодой,
Что не кланялся перед бедой...
Мы коней напоили
Уральской водой
И днепровской поили водой.

Разметали врагов
От родимой страны, —
И теперь, подымаясь в зенит,

Ходит громкая слава
Гражданской войны,
О чапаевцах песня звенит.

Если ж враг подкрадется,
Оскалясь как волк,
Снова в грозной щетине штыков
Встанет двести двадцатый
Ивановский полк,
Встанет армия большевиков.

БАЛЛАДА О ЗЕМЛЯКЕ

Шел грудью в битву весь народ
Моей родной страны, —
Нам не забыть двадцатый год,
Суровый год войны.

Обозов скрип, тачанок стук,
Тяжелый дым костров...
Был у меня в ту пору друг,
Земляк Иван Петров.

Навстречу бешеным ветрам,
Под орудийный гул
Мы с ним от Волги до Днепра
Прошли в одном полку.

Война течет, как та река, —
Кровавая вода, —
И в одночасье земляка
Подстерегла беда.

Погиб он в этот грозный год
От вражеской руки...

Похоронили мы его
На берегу реки,

Где звонки птичьи голоса,
Где гладь Днепра чиста,
Где тополь, словно на часах,
Над кручей молча встал.

Я помню вечер у костра,
Черемуха цвела.
Весна, как нежная сестра,
Над ним звезду зажгла.

И наш суровый комиссар
На камне написал:
«Иван Петров погиб в бою
За родину свою»...

С тех пор прошло немало лет.
Горит Кремля маяк,
Страны на свете крепче нет,
Чем родина моя.

И жизни краше и полней
Нигде на свете нет,
Чем в нашей молодой стране,
Несущей миру свет.

СЛОВО РОДИНЕ

Птицы распевают в синеве,
Травы расцветают на полянах,
Женщины рожают сыновей
Полных, крепкотелых и румяных.

Край зеленый, —
как еще сказать? —
Все в тебе мне дорого и мило.
Жизнь цветет...
Но как не вспоминать
Муравой заросшую могилу?

Кто лежит в ней?
И о ком скорбят
Синие лесные колокольцы?
...Расстреляли здесь троих ребят,
Трех русоголовых комсомольцев.

Рядом бойкая журчит вода,
Разукрашивая камни перламутром.
Я не знаю, может и тогда
Было тоже солнечное утро.
Может быть, сюда их привели
После ночи долгой и бессонной.

И от свежевскопанной земли
Показалась жизнь такой зеленой!..

Расстреляли...
Молча подошли.
Такие молча закопали яму.
И остался бугорок земли.
Вместо жизней юных и упрямых.

А в речушке кольцами вода -
Разукрашивает камни перламутром.
Да, наверное тогда
Было тоже солнечное утро!

Бури снова стерегут наш край.
Снова порохом пропахли дали.
Знаю я, что страшно умирать.
Но за наше счастье умирали!

Страстность наполняет бытие.
Если враг снять войною бряцает.
Я, влюбленный в жизнь,
Отдам ее,
Чтоб народ мой
Радовался жизни!

Чтобы птицы пели в синеве,
Травы расцветали на полянах,
Женщины рожали сыновей
Полных,
крепкотелых
и румяных!

ПЕРВОМАЙСКОЕ

Мы выйдем дружно,
Песню подымая
До голубых развернутых высот.
Пусть солнечное утро Первомая
Счастливыми улыбками цветет.

Пусть вся земля оденется цветами,
Чтобы веселой выйти на парад.
Шагай бодрее! —
Пусть над головами
Знамена теплым ветром зашумят.

Не занимать нам радости.
Могучи
И молоды сыны родной страны...
Но помним мы,
Что грозно зреют тучи,
Беременные грохотом войны.

По карте мира шаря грязной лапой.
Готовит Гитлер планы грабежей.
И бешеные волки из гестапо
Зубами лязкают у наших рубежей.

Им наше счастье не даст покоя.
Им страшен мира солнечного свет.
Коль грянет бой,
То мы готовы к бою, —
И грозен будет наш прямой ответ.

Мы выйдем дружно,
Песню подымая
До голубых развернутых высот:
Плечом к плечу,
Как на параде мая, —
На бой с врагами встанет весь народ.

Железным шагом загудит пехота,
Пройдут тяжелые броневики,
Взовьются тучей в небо самолеты,
Проскачут лавой конные полки.

И грянет бой!..
И мы раздавим гада,
Каким бы страшным ни был этот гад.
И над землей,
Очищенной от смрада,
Знамена теплым ветром зашумят.

Тогда, смыкая в тесной дружбе плечи,
Любуясь майским безмятежным днем,
На всех языках
И на всех наречьях
Мы песню первомайскую споем.

СОКОЛЫ ЛЕТЯТ ЧЕРЕЗ ПОЛЮС

Снова дождь телеграмм,
Пожеланий и жарких приветствий.
Грозный Северный полюс
Лежит на далеком пути.
Жадно ловят радисты
В эфире желанные вести, —
Снова гордая птица
Над миром свободно летит.

Ледяная суровая трасса
Согрета огнем вдохновенья.
Имя — Громов как гром
Загремело над миром, — и вот
Мир, исполненный гордости,
Зависти и удивленья,
С нетерпеньем следит, как
Пилоты ведут самолет.

И вчера еще только
Узнав о полете, о старте,
Затвердив наизусть
Имена смельчаков и маршрут,

Он сегодня взволнован...
И, тесно сплотившись у карты,
Мир считает километры
Счетом коротких минут.

Пройден Северный полюс,
Мелькнула Канады граница...
Повернулась земля,
Восхищенная смелым броском.
Над просторами Штатов
Летит краснокрылая птица,
Впереди Калифорния
Желтым маячит песком.

Краснокрылые соколы
Нашей блистательной стан!
Вы для дерзких мечтаний
И сказочных дел рождены.
Кто еще так отважно,
Так гордо и смело летает?
Кто еще так могуч,
Как пилоты советской страны?

Мы гордимся тобой,
Необъятная родина наша,
Дивной птицей стальной
Что свободно парит в синеве.
Каждый день твой
Немеркнущей славой украшен

И увенчан победой
Твоих боевых сыновей.

И когда пролетают по небу
Твои самолеты,
Разорвав неизвестность
Полярных студеных оков,
Мы спокойны и горды,
Мы знаем,
Что наших пилотов
Воспитала великая
Партия большевиков.

СЕРДЦЕ СЕРГО

День догорал,
Но работала Родина —
Руду добывала,
Плавила сталь.
Люди,
Достойные славы и ордена,
Вахту несли
На своих постах.

Несли золотую энергию тока
К цехам
Электрические провода,
С конвейеров шли лимузины потоком,
Бежали тяжелые поезда.

Вширь разворачиваясь
Фронтом железным,
Шли к просторам полей трактора.
Стальные мосты
Вставали над бездной,
Подъемники уголь несли на-гора.

И вдруг,
Голоса цехов переспорив
Скорбной минутою тишины,
Траурным маршем
Взметнулось горе
Над просторами нашей страны.

Сердце пламенное остановилось,
Умер любимец народа, Серго...
Умер? Нет, никакая сила
Не остановит сердца его.

Вот оно бьется в звенящей стали,
Вот оно песней входит в века,
Вот его поднял
Товарищ Сталин
В пламенном слове большевика.

В тысячах тысяч новых героев,
В новых заводах, в светлых дворцах,
Во всем,
Что на счастье земли мы строим,
Живут и бьются такие сердца.

О ДЕВОЧКЕ, ТАКОЙ, КАК ТЫ

Тихо ночь проходит под окошком,
Ветер спит, в березах притаясь.
Спи и ты, моя родная крошка,
Галя черноглазая моя.

Завтра снова молодой и яркий
Встанет день во всю свою красу.
Самые веселые подарки
Я тебе, дочурка, принесу.

Спите, глазки, спите, вы устали
От дневных проказ и от затей...
Ласково с портрета смотрит Сталин,
Сталин любит маленьких детей.

Для таких, как ты, в Стране советов
Строят ясли, школы и сады,
Солнце согревает теплым светом
Ваши пионерские ряды.

И кругом цветущим синим маем
Радость обновления встает.

кр 3731

Скоро вырастешь, и не узнаешь
Ни печалей, ни забот...

Спишь, дочурка!.. А в далеком крае
Пушки раскаленные гремят,
Медленно и страшно догорает
Кровью истекающий закат.

Одичавший в грохоте и громе
Бродит ветер в улицах пустых.
И одна в холодном мертвом доме
Плачет девочка, такая же, как ты.

В очаге погас огонь, и в рамы
Бешено стучится ураган.
Страшно в доме... Девочкина мама
На войне, в отряде партизан.

Кто уложит дочку спать сегодня?
Кто ей тихо песенку споет?..
Может быть над крышей бомбы поднял
Черный злой фашистский самолет.

Может, весть несется телеграммой, —
Холоднее и страшней ночей, —
Весть о том что в этот вечер маму
Расстреляла банда палачей.

...Спи, дочурка.
Ветер спит над крышей,

«Мишка» спит, усиум куклы в ряд
Ты мала еще, и ты не слышишь,
Как борьба сердца людей колышит
И как пушки над Испанией гремят...

Черный шквал
В предсмертной злобе острой
Затуманил синеву небес,
Но горит отвагой в наших сестрах
Пламенное сердце Долорес.

Через горные хребты и реки
Руку дружбы мы протянем им,
Чтобы братский наш союз навеки
Был бы крепок, нерушим.

Чтобы над Испанией горела
Наша лучезарная звезда,
Чтоб она своим сияньем грела,
Чтобы детвора росла и пела
И не знала горя
Никогда!

КОММУНАРЫ

Рожденные в злой неволе,
Прошедшие сквозь пожары,
Чтоб строить счастливейшую
Молодую страну свою,
Мы тихо склоняем головы
Над памятью коммунаров,
Над памятью наших братьев,
Погибших в неравном бою.

О, как они были молоды,
Эти горячие головы!
И как любили они,
И как презирали они...
Над ними качалось небо,
Луженое марговским оловом,
Над ними пылали факелы
И красных знамен огни.

Парижское утро вставало
В дыму, в пелене тумана,
И ночь отступала в смятенье,
Она бежала назад...

Гвардейцы в рабочих блузах,
Медники Сен-Антуана
Сменяли своих товарищей,
Погибших у баррикад.

Здесь, под дождем картечи,
Наперекор Версалю
Рождался прообраз будущего —
Борьбы и мечты исход.
Здесь утверждались декреты,
В которых они дерзали
Взглянуть через ночь эпохи
На полстолетья вперед.

Реликвии старой Франции
Падали тряпками жалкими,
По королевским лилиям
Прошлись подошвы сабо.
Но пахли вершины Монмартра
Порохом, а не фиалками.
И палачи Коммуны
Были довольны собой.

Короткое слово — К стенке!..,
Горячие брызги картечи,
Сгустки запекшейся крови
И чей-то последний крик...
Все было кончено. Вечер,
Лиловый весенний вечер,

Как мать над сыновним гробом,
Над телом Парижа поник.
И черное небо заплакало
В каменные подушки...
Последняя ночь подползала,
Подкрадывалась как вор.
По улицам, залитым кровью,
Тащились версальские пушки,
Расстреливая умирающих
В упор.
А как они были смелы,
И как они были юны!
Нет, они не погибли,
Их не сожгли на костре.
Они, умирая, жили...
И жаркое имя Коммуны
Запомнили даже дети,
Которых вели на расстрел.
И надпись: «Vive la commune![1]» —
Что кровью писали на камне, —
Как знамя рабочего гнева,
Как будущей жизни заря.
Мы подняли это знамя.
Вспыхнула искра пламенем
И светит кремлевскими звездами,
Рубинами Октября.

---

[1] Да здравствует коммуна!

НОЧЬ НА ГРАНИЦЕ

Ночь с Хотана идет на Джан-Су.
Млечный путь этой ночи высок.
Не удерживаясь навесу,
Звезды падают на песок.

В эту ночь, не дружа ни с кем,
Ровно вытянулась степь,
На кордоне кзыл-аскер
Поджидает незваных гостей.

Он шагает, кзыл-аскер,
Охраняя свои рубежи,
Жилка маленькая на виске
У него учащенно дрожит.

От границы за несколько верст
Желто-палевый лег ковер,
И легко плодоносный год
Над хлопчатниками идет.

Но шакалом степным в тиши,
Обманув напряженность ночей,

Подползает Кара-Курбаши,
С ним — четыреста басмачей.

Тихо тащится звездный воз,
Чутко спит пограничный совхоз,
Чуть журчит по арыкам вода,
И гремят по стране поезда.

Поднимается как маяк
Молодая страна моя,
И машин моих четкий гуд
Пограничники берегут.

Но шакалами злыми в тиши,
Обманув неподвижность ночей,
Подползает Кара-Курбаши.
С ним — четыреста басмачей.

Светит месяцем сквозь листы
Шашка, взятая наголо́,
Саксауловые кусты
Словно судорогой свело.

Лишь скрипит под локтями песок.
Тишина, напряженный взор.
Учащенней дрожит висок,
И горяч под рукой затвор.

Шорох...
Выстрел и тихий стон.

Но уже на ногах кордон,
Закипел, завязался бой
В резком треске сухих обойм.

Острой шашкой маши-не маши,
Эту ночь тебе не провести.
И над ухом у Курбаши
Пуля сусликом свистит.

А когда среди повилик
Зайчик солнечный проскочил,
Рыжей кровью в степи зацвели
Вдрызг разбитые басмачи.

И над степью страна моя
Поднимается как маяк,
И сынов ее мирный труд
Пограничники берегут.

СЧАСТЛИВАЯ ЗЕМЛЯ

ЦВЕТЕТ НАША РОДИНА

Лети, наше слово привета,
Пусть с ним молодеет земля,
Спокойным рубиновым светом
Сияют нам звезды Кремля.
Навеки сметены преграды,
Просторов глазам не обнять,
На славу, на мир и на радость
Цвети, наша Родина-мать.

В могуществе наших заводов,
В красе молодых городов —
Великая сила народа,
Плоды его славных трудов.
Идет он, хозяин веселый,
Легко и привольно дышать.
Ликуют колхозные села,
Цветет наша Родина-мать.

Надежней и крепче союза
Нигде на земле не найдешь,
Открыты нам школы и вузы —
К науке идет молодежь.

Победы советского строя
У нас никому не отнять.
Мы жизнь обновляем и строим, —
Цвети, наша Родина-мать.

Открыты нам светлые дали,
Мы вольное счастье творим.
Ведет нас любимый наш Сталин
По славным дорогам своим.
Он всех обездоленных поднял,
Он нас научил побеждать.
И громче поем мы сегодня:
Цвети, наша Родина-мать!

СЧАСТЛИВАЯ ЗЕМЛЯ

Могучие леса,
и горы, и поля,
Громады городов
и быстрых рек стремнины
Труду покорны.
И цветет земля,
Как пышный сад
средь солнечной долины.

В краю, где каторгой
был подневольный труд,
Где счастье людям
не могло и сниться,
Сегодня жизнь кипит, —
и с каждым днем растут
Стахановцы
угля, железа, ситца.

В амбары собран
тучный урожай,
Гремят машины
фабрик и заводов.

И на границах
наши сторожа
Хранят покой
и мирный труд народов.
Весельем жизни,
радостью полна,
Врагов социализма
сокрушая,
Растет моя
советская страна,
Счастливая,
могучая,
большая.

УТРО

Ночь еще не прошла,
но пугливые ветры спросонок
Укачали как зыбку
верхушки рязанских берез.
Где-то,
может быть в Вятке,
пугливо заржал жеребенок,
И ему отвечает из Миллерова паровоз.
Это голос рассвета.
Тогда неуверенно,
робко
Гаснет первая выцветшая звезда.
В этот час,
Нагруженные хлебом, железом
и хлопком,
По дорогам Союза Республик
Идут поезда...
В этот час просыпается мой сосед,
Подмастерье с «Дзержинки»,
И пока он встает,
И пока самоваром гремит,—
Пограничник на Пяндже

Осторожно обходит тропинки,
И в Карелии рушит
Тугую скалу динамит.
Мой сосед одевается.
Через четверть часа он в мастерской.
Проверяет основы...
И в этот же утренний час
В Усть-Сысольских лесах
Лесорубы идут на участки.
И порою я слышу,
Как дробно ломается наст.
Все свершается точно, размеренно, споро.
В Сталинграде не смолкли гудки,
В Криворожье...
Но вот —
В Красном Сормове
Дизель включают на пятую скорость.
Открывая программную смену
Ударных работ.
Все в порядке! —
В цехах, на посту боевом, командиры,
Командиры ведущих участков рабочей
весны.
И в широко открытые двери
Огромного мира
Входит доброе утро
Моей страны.

СЧАСТЬЕ

Дед Степан на свете прожил
Девяносто лет.
И покуда был моложе —
Обошел весь свет.

В зной палящий и в ненастье
Из последних сил
Все гонялся он за счастьем,
Счастье все ловил.

Тридцать восемь лет батрачил,
Пас — пятнадцать лет.
Ждал: вот-вот придет удача,
А удачи нет...

Думал выстроить избенку, —
Все, мол, свой куток, —
Да свою бы лошаденку,
Да хоть кур пяток.

Все мечтал собраться с силой,
Ждал который год.

Только как-то выходило
Все наоборот.

Видно, верно говорится,
Как учила мать:
Счастье-то — оно не птица,
Счастья не поймать...

Гнулся ниже год от году,
Выбился из сил,
А рубахи новой сроду
Так и не носил...

Дети стали стариками,
Внуки подросли
И могучими руками
Землю потрясли.

Дескать, стой, довольно, будет,
Барин-господин,
Как-никак мы тоже люди,
Тоже жить хотим!

И пошли грозой-пожаром
На господский сброд
Внуки деда — коммунары,
Трудовой народ.

Запылали на просторе,
Кумачом горя,

Новой светлой жизни зори,
Солнце Октября.

Ах, Степан, ты мыкал горе
По родной земле.
А теперь она в уборе
Золотых полей.

Зацвели сады богато,
Радостно цветут!
И в колхозных новых хатах
Славят вольный труд.

Старость — горькое ненастье,
Но на склоне лет
Увидал Степан, что счастье
Ходит по земле.

Для него все двери настежь,
И со всех сторон
Словно солнце светит счастьем
Сталинский закон.

Ныне праздник. Утром рано,
Чуть займется свет,
Внуки позовут Степана
Выбирать Совет.

У крыльца, у самой хаты —
Новый тарантас.

Говорят: «Степан Панкратыч,
Это вот для вас».

Путь лежит колхозным полем —
Ни одной межи, —
По богатому приволью
Колея бежит.

Исходил Степан дороги
Вдоль и поперек,
А теперь прямой и строгий
К счастью путь пролег.

И поют родные дали, —
Слышит старый дед:
— Это счастье дал нам Сталин,
Он зажег нам свет!

И поют по всей отчизне, —
Слышит старый дед:
— Нет на свете краше жизни,
Лучшей доли нет!

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВЕСНЫ

Подставь лицо под теплую струю
Весенних ветров, ласковых и милых.
Прислушайся, как ручейки поют,
Вглядись, как зори над землей встают,
Как наливаются живой и буйной силой
Поля и реки,
рощи и сады.
О, страдная, горячая пора,
Когда решаются успехи боя!..
По утреннему стуку топора,
По мастерской, где ладят трактора,
Угадываем небо голубое
И жирный запах
первой борозды.
Здесь дорог час, и важен каждый шаг,
Великое открыто наступленье.
Идет весна! Навстречу ей спешат,
Исполненные радостного рвенья,
Колхозные стахановские звенья,
Бригады знаменитых
мастеров.
Победы достаются не легко.

Но научились тысячи героев
Гореть соревнованием, — таков
Незыблемый закон большевиков,
Закон победы сталинского строя.
Закон борьбы
за лучший из миров!
Там, где столетья чахлый колос рос,
Где плесенью цвело людское горе,
Над серебром весенних чистых рос
Заботливо взрастит колхоз
Посевов тучных золотое море.
Где каждый колос
полон и богат!

Да, каждый колос полон и богат...
Весенний ветер, ласковый и милый,
Встречает бригадир. И тракторы гудят:
Готовы к бою армии бригад,
Могучие живой творящей силой.
Идут весны
бушующие дни!

НОВОГОДНЯЯ РЕЧЬ

— Тише!
На Спасской башне
Сейчас заиграют куранты.
Торжественная минута
В комнату к нам войдет.
Мгновенно сменятся даты —
Вечности квартиранты.
Пожелаем друг другу счастья
И вспомним минувший год.

Славой своих событий
Он честно войдет в историю.
Как год величавых подвигов
И грандиозных побед.
Мы в нем любили, смеялись,
Но дружбе сердились и спорили.
С ним зажигали в звездах
Яркий рубиновый свет.

Мы строили самолеты
И покорили полюс.
Гордые наши соколы

Смело стремились вперед.
Богатыми урожаями
Шумело колхозное поле,
Стахановскими рекордами
Гордился советский народ.

Но самая близкая сердцу
И самая яркая дата,
Сверкающая над столетиями,
Как утренняя заря, —
День всенародных выборов
В Верховный Совет депутатов,
День всенародной радости —
Двенадцатое декабря...

Это был год величия
Сталинских пятилеток.
Пусть же к нему достойная
Славная смена придет.
Видишь — Кремлевские башни
Ярко сияют светом.
Громче играйте, оркестры,
Славьте минувший год!

С ним непрощаемся дружески,
И через полминуты
Новый, такой же славный,
Встанет в победный ряд...
Пойте, веселые скрипки,
Новому шумно салютуя.

Встанем, друзья. На башне
Куранты уже гремят...

Вот они — новый и старый,
Словно родные братья,
Торжественная минута
В комнату к нам вошла.
И закреплена смена
Дружеским рукопожатием
На подвиги, на геройство,
На сталинские дела.

Так сменяются часовые,
Пароль передав друг другу.
Так сменяются паровозы,
Чтоб поезд бежал вперед
К солнечным новым победам,
Как к благодатному югу...
Полночь.
Поднимем бокалы.
— Да здравствует новый год!

ПОЛУСТАНОК

Река, перелесок — и за поворотом
Глухой полустанок. Под окнами там
Подсолнух роняет свою позолоту,
И бабочки словно пришиты к цветам.

А липы над будкой склонились печально,
И спит полустанок. Он мал, неказист.
Здесь рыбною ловлею бредит начальник,
И варит варенье телеграфист.

В положенный час
Выйдет заспанным сторож,
Чтоб должное строгим уставам воздать.
И машет, и машет крыло семафора
Навстречу бегущим к нему поездам.

Но поезд обманет:
Минута стоянки,
И снова торопится — дальше пора!
И снова грустит на глухом полустанке
Над старым колодцем горбатый журавль.

Зачем я о нем, о таком нелюбимом? —
Он снова в свою одинокость уйдет.
Зачем остановка? Поедемте мимо!..
Но вот полустанок — и тот, и не тот.

Цветут на карнизах парадные флаги,
И домик пожаром плакатов объят.
А за полустанком раскинулся лагерь
На редкость веселых и бойких ребят.

Торжественно выстроен штат по рангиру,
В петлице у сторожа — праздничный бант.
Гляди! — из вагонов идут пассажиры,
Развернуто знамя, гремит барабан.

Построились. Галстуков алые маки
Да яркий загар, — крепыши наподбор!..
Бледнеет подсолнухов рыжая накипь.
И солнце вливается в поднятый горн.

Начальник встречает, — распахнуты двери,
Сгорает дорога в лучах косых.
Глядит машинист и, волнуясь, не верит
И прячет улыбку в седые усы.

К сердечности холоден график движенья.
Поставлены стрелки, и поезд пошел.
А мы, вспоминая об этом мгновенье,
Ясней понимаем:
— **Жить хорошо!**

МАЛЯР

Он шел веселым, шумным городом,
И город лаской привечал.
Кистей растрепанные бороды
Просились к крышам от плеча...

А в слободе, где дом под вязами
Пригнулся суриком плеча,
Одна девчонка синеглазая
Выходит милого встречать.

Любовь пройдет по тонкой лесенке,
По синим тропкам вечеров...
И он запел тихонько песенку
Про вологодских маляров.

Как высоко над эстакадою
Стремянка лебедью плыла,
Как шли ударными бригадами
Вершить рабочие дела.

И под рукой, к труду привычною —
Ой, вологодцы-мастаки! —

Цвели белилами наличники,
Желтели охрой косяки.

И свежекрашеными крышами
В закат гляделись вечера.
Он тихо пел, лишь ветры слышали
Простую песню маляра.

ПРИВОКЗАЛЬНАЯ СЛОБОДКА

Там, где трепетные тени
Бродят тихою походкой,
Приютилась меж сиреней
Привокзальная слободка.

Скука, пыль. И сладко спится
Средь безмолвия глухого,
И часы, как будто спицы,
Вяжут дням платок пуховый.

Нитка тащится без края, —
И клубок в пыли закатан,
А слободка догорает
Желтым золотом заката.

Я такой тебя запомнил,
Детства спутница босая.
Ну и что ж, итти легко мне,
Эту память не бросая.

Дни у нас проходят скоро,
И однажды, в теплый вечер,

Я вернусь в родимый город,
Но тебя уже не встречу.

Я найду дворцы и скверы.
В голубых и синих майках
Мне навстречу пионеры
Попадутся на лужайке.

И веселые ребята,
Улыбнувшись мне лукаво,
Скажут: — Здесь была когда-то,
А когда, не помним, право...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как странно:
Сразу за углом
Увидеть желтый дым акаций,
Издалека приметить дом
И побежать...
И рассмеяться,
Вдруг вспомнив:
— Я не здесь живу!
А все-таки, как наяву,
Зеленым детством,
Летним днем
Запахнет каждый одуванчик.
И пламя фуксий за окном
Такое же, как было раньше.
Но рядом — клуб.
Его не знал.
Здесь был пустырь...
А дальше — тоже:
Коттеджей новых желтизна
И сквер в созвездии дорожек.
Ну что ж,
Я не был здесь давно,

Но детство, детство, — вот оно:
Замшелый сруб,
И пахнет мятой.
Зарос травой тропинки след,
Колодец наш...
Да ведь когда-то
На нем сходился клином свет.
И вот бегу, —
Совсем юнец, —
Чтоб заглянуть в глаза колодца,
Чтоб о морщины уколоться
И вспомнить:
— Ты уже отец...
Стареем?
Ладно, не беда,
У нас еще не мало дел.
Работой полнятся года,
И мир для нас —
Помолодел.

ПЕСНЯ О ЛЬНЕ

Веют ветры чередою
С четырех со всех сторон.
Здравствуй, утро молодое,
Серебристое как лен.
Зацвели зарею дали,
Зашумел сосновый бор.
Шесть девчат к машинам встали,
Мастерицы — наподбор.

Уж как пели девушки о нем,
Уж как песня бушевала огнем:
Ты крутись веселее,
Мой кленовый станок!
Серебристый,
Шелковистый.
Волокнистый ленок.

Беспокойно плещет море
В незнакомой стороне.
С бирюзовым ветром спорит
Белый парус на волне.
Моряки привычны к буре,
Крепок наш советский флот,
И в сверкающей лазури
Песня звонкая плывет.

Ой, как пели моряки о нем,
О далеком и о близком, о родном
Не порвися,
Не развейся,
Мой смоленый линек!
Серебристый,
Шелковистый,
Волокнистый ленок.

Белоснежная основа,
Нитки ровны и тонки.
Пусть стучат без останова
Наши ткацкие станки.
Челноки ныряют лихо,
Путь короткий им знаком.
Синеглазая ткачиха
Наклонилась над станком.

Ой, как песню ткачиха вела
Про свои развеселые дела:
Ой, ты, чистый,
Душистый
Рисунчатый платок!
Серебристый,
Шелковистый,
Волокнистый ленок.

Над широкими полями
По дороге голубой,
Над лесами, над морями,
Надо мной и над тобой

Стаей дружной самолетной
Перерезан небосклон,
А на крыльях наш добротный,
Наш колхозный знатный лен.

Уж как пели летчики о нем
В небе ясном, в небе голубом:
Ай, вы, крылья
Упругие,
Размах ваш широк!
Серебристый,
Шелковистый,
Волокнистый ленок.

Синий вечер чист и ясен.
За рекой закат угас.
Над водой склонился ясень.
И с работы в этот час
Под осенним листопадом
По путям своей земли
Шла колхозная бригада —
Победительницы шли.

Уж как пели девчата весело,
Звонким эхом откликалось им село.
Ой, как выдался
Хороший,
Горячий денек,
Как удался
Шелковистый,
Серебристый ленок.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Вымыт щелоком пол сосновый,
Черным лаком блестит комод.
Белой скатертью, как обновой,
Стол по-праздничному встает.

Пироги на столе румяны,
Золотится горячий чай.
И качается, будто пьяный,
Зайчик солнечного луча.

Дверь распахнута для привета
В молодой и цветущий мир...
С заседания сельсовета
Возвращается бригадир.

Снял он с плеч свой пиджак суконный,
Руки истово сполоснул
И садится на свой законный
Хитро выгнутый венский стул.

А вокруг него, в свою очередь,
Вся семья за столом сидит.

Когда глаженая на дочери,
У ребят франтоватый вид.

Сам молчанием час не дразнит
И, расправив сажени плеч,
Открывая семейный праздник,
Произносит такую речь:

- Ешьте, пейте, не беспокоясь,
Чисто в горнице, стол готов.
Нынче я именинник, то есть,
Вышло мне пятьдесят годов.

Если ж вспомнить, — какая жалость! -
Без дороги, во все края
По глухим закоулкам шлялась
Беспокойная жизнь моя!..

И пастушил я, и батрачил,
Лебеду и мякину ел.
Я и думать-то об удаче
О своей никогда не смел.

Зацепила меня арканом
Захлестнула петлей нужда,
Обособленным тараканом
Проползал я через года.

А теперь, подводя итоги
Как ученые говорят,

Без сомнения и тревоги
Выхожу я в передний ряд.

Значит, в мире я не осколком...
И пути мои широки.
Вот вам дочь моя — комсомолка,
Вот два сына — большевики.

Вот вам горница. что полмира, —
И работа идет ладней...
У Савельева, бригадира,
Триста семьдесят трудодней.

У меня! И по всем приметам
Словно свет для нас стал белей.
Очень нравится мне вот этот
По-ученому — юбилей.

В СИТЦЕПЕЧАТНОЙ

Горячие, как ветер с юга,
Неудержимо веселы
Наперегонки друг за другом
Бежали медные валы.

И в сумеречном свете цеха
В кругу обыденных забот
Кружился искрометным смехом
Цветов и листьев хоровод.

Такое даже не приснится:
Кивнет минута головой, —
И желтая дорога ситца
Кудрявой зарастет травой.

Валы спешат, а мастер взглянет
И улыбнется невзначай
На пышный розовый румянец,
На яркий отблеск кумача.

И вот мечтою о просторе
Еще не пройденных дорог
Ему блеснет с машины морем
Сатина кубовый кусок.

Он будет много лет носиться
И будет много лет цвести.
Недаром хочет мастер в ситцы
Узоры песен заплести, —

Чтоб отпечатались на ткани
И зацвели, как маков цвет.
Все напряжения исканий
И вся восторженность побед.

ОСЕННЕЕ УТРО

Приходит осень в скромный городок,
Оранжевая, яркозолотая.
Наряд поблекший роща осыпает.
Пора, пора — всему положен срок.

И, лета перевернутой страницей,
Бледнеют в сквере поздние цветы.
Акаций низких голые кусты
Завоевали шустрые синицы.

Приходит осень в скромный городок,
Оранжевая, яркозолотая...
По утру первый бледный иней тает,
И звонок в ясном воздухе гудок.

Гудок фабричный, как к тебе привык
Рабочий городок! И ранним утром,
Когда сверкает небо перламутром,
Ткачей зовет его веселый крик.

Проснутся общежитий этажи.
Захлопают калитки, двери.

Людской поток размоет ночи берег,
И день рабочий начинает жить.

В отделе ткацком армия станков.
Стоят мортропы в боевом порядке.
Основ причесаны серебреные прядки.
И верен путь летучих челноков.

Пока еще спокойно здесь и тихо.
Но — долго ль? На призыв гудка
Придет сюда веселая ткачиха,
Чтоб счастье человеческое ткать.

Закон работы с детства ей знаком,
Как пахарю земля, как пчеловоду соты.
(Мы вместе с материнским молоком
Впитали радость трудовой заботы.)

Выходит день огромный и веселый.
Кругом растет, кипит ударный труд.
И города, леса, поля и села
Одной великой радостью живут.

**
*

Костры над Волгой.
Теплая вода
В неясном шелесте заливает берег.
Над нами робкая весенняя звезда
Дрожит, как лампа у открытой двери.
На острове — осока и кусты,
И нежный ветер путается в ветках...
Но по реке
расставлены посты
Вожатыми походов пятилетки.
Разведчики присели у костров
Под розовыми ветками черемух...
И инженер, отодвигая дрему,
Сказал:
— Товарищи!
Здесь будет
Волгострой.
Вот здесь мы выстроим
бетонную плотину,
И в ярости запенится река...
Мы скажем ей:
— Растратчица, плати нам

Все, что тобою пролито в века...
И новых сил невидимый ручей
Пойдет по проводу.
себя до капли отдав,
Чтоб вспыхнуть
миллионами свечей
И загреметь
десятками заводов.

ВЫШИВАЛЬЩИЦА

Над вышивкой склонилась ты.
Игла мелькает в ловких пальцах.
И расцветает в рамке пяльцев
Причудливый узор мечты.

Пунцовые букеты роз
Рассыпались по легкой ткани...
Ах, что им вьюги, что — мороз?
Страшно ли им зимы дыханье?..

Им вечно цвесть и вечно жить!
Согреты жаром вдохновенья,
Они, как в первый день цветенья,
Навек останутся свежи.

...Над пяльцами склонилась ты, —
Как хороши узоры шелка!..
Рассыпал вечер над поселком
Заката пышные цветы.

Запеть бы песню!..
Спой о том.

Как жизнь цветет прекрасным садом,
Запой о том, чему ты рада
В родной семье, в краю родном.

О родине великой спой,
Где солнцем Сталина согреты
Ткачи, художницы, поэты —
Живут одной большой семьей.

Где вдохновенью нет преграды,
Где мысли и дела цветут,
Где самой высшею наградой
Для человека служит труд.

ЦВЕТУТ САДЫ

В ПОСЕЛКЕ

Заплутали ветры
По глухим тропинкам,
Запахами буйными
Пахло от земли;
Девочки смешливые
В кофточках сарпиковых
За поселок к линии
Песню увели...
Токаря сидели
У ворот на бревнах, —
Папироска вечером
Больно хороша!
Тополя дышали
Медленно и ровно,
Вечер шел по улице,
Не спеша.
На поселке кто-то
Звякнул мандолиною.
Из-за леса-острова
Выплыла луна...
Девушек влюбленных
За туман долиною
Уводила смуглая
Юная весна.

По первой свежести рассвета,
За первым грохотом дорог
Над облачком цветущих веток
Курится розовый дымок.

Ты входишь в яблоновый сад
Простоволосая, босая,
И ветки трепетно дрожат,
Твоей щеки слегка касаясь.

Рассвет хорош, и сад хорош,
И звонки песен переливы...
И ты как яблоня цветешь
Под небом родины счастливой.

ВИШНЯ ЦВЕТЕТ

От радуги первой, от света и цвета,
От розовых заводей ясной воды
Приходит в поселок веселое лето,
Широким плечом раздвигая сады.

Над нами закаты плывут золотые,
Над нами течет синева вечеров.
Дрожат и качаются звезды литые
Над тихой гармоникой крайних дворов.

Осыпана вишня серебряным цветом.
Прислушайся — как этот вечер поет.
И падают звезды с качнувшихся веток
На руки, на плечи, на платье твое.

**
*

В Ремесниках вишня цветет,
Встречаются зори друг с другом,
И вечером снова придет
Ко мне молодая подруга.

По Старо-Гончарной к реке,
Внимая сердечному стуку,
В своей огрубевшей руке
Почувствуешь милую руку.

И легче на сердце, и вновь
Душой понимаешь природу.
И снова приходит любовь
Девчонкою с автозавода.

У ней голубые глаза,
Ей, может быть, лет девятнадцать...
А я все стесняюсь сказать,
Хочу и — не смею признаться.

СТАРОМУ ДРУГУ

Это еще не старость.
Видишь ли, друг мой, это —
Отбушевала черемуха,
И зацвела сирень.
Таня, ты помнишь, Таня,
Наше с тобою лето,
Первые наши встречи
И голубую Рпень?

В ней утопился месяц,
И отражались звезды.
Молодость!
Мне тогда было
Каких-нибудь двадцать лет...
Нынче такое же лето,
Теплый такой же воздух.
А многое стало прошлым.
Да и тебя здесь нет.

Мы никогда не увидимся.
Или — увидимся скоро?..
Встретимся, удивляясь.

Радуясь и любя.
Вот у меня на столике
Карточка, на которой
Провинциальный фотограф
Изобразил тебя.

В старой тетрадке ландыш.
Блеклый, сухой, но милый.
Этот цветок когда-то
Мне подарила ты.
Я погляжу и думаю:
— Значит, она любила.
Где ты теперь, кому ты
Свои отдаешь цветы?..

Глупо? Сантиментально?
Но сердце-то ведь живое,
Оно, понимаешь, хочет
Дружеского тепла.
Когда его нехватает, —
Волком голодным воет;
Когда оно есть — становится
Жизнь широка, светла.

К тому же совсем не стары мы.
Напористы и упрямы.
Кровь еще не прокисла —
Бурлива и горяча.
Но по какому адресу

Дам я тебе телеграмму.
И на какую станцию
Выйду тебя встречать?

А вспоминаю часто:
Где-то, мол, есть хорошая
Девушка сероглазая,
Дружба, любовь моя?..
Сердцу теплее становится,
Легче житейская ноша,
Солнышко светит ярче.
Шире родные края.

Но может — не сероглазая?
Может, пошли морщинки?
Глядишь, подрастают дети,
Случаи да дела...
И все-таки, что бы ни было,
Я говорю без запинки:
Ты для меня
Такая же хорошая,
Как была.

Это еще не старость...
Хотя по законам природы
Безжалостные минуты
Складываются в дни,
Наша любовь не стареет,
Ее не стирают годы.

И даже бывает: разлука
Людей еще больше роднит.

Над нами одно хорошее,
Ясное, чистое небо.
Реки у нас многоводны,
И хлебородны поля.
И нету такой обители,
Угла нет такого, где бы
Обильем и счастьем жизни
Для нас не цвела земля.

Жизнь, моя дорогая,
Это — хорошая штука,
Когда ее освещает
Общего дела маяк.
К тому же, мы все-таки любим...
И что такое — разлука?
Я верю — мы еще встретимся,
Радостная моя!

ПЕСЕНКА

Помнишь, милая — и ночь, и тишина,
И над нами золотистая луна.
Помнишь — ветер предрассветный, голубой,
У калитки расставались мы с тобой.
На прощание нам пели соловьи.
Я запомнил губы теплые твои.
Я запомнил задушевный разговор,
А не знаю, сколько лет прошло с тех пор...
Где-нибудь теперь и ночь и тишина;
Где-нибудь теперь такая же луна,
Буйно яблони цветут, и воздух чист,
И от ласкового ветра дрогнул лист.
Ну и что ж, что ты ушла и не придешь, —
Разве вечер не богат и не хорош?
Разве выпили до дна румянец щек.
Разве нет на свете девушек еще?
Впрочем, что же я неправду говорю, —
Разве я тебя не жду, как ждут зарю?
Видно, яблоня для нас не отцвела.
Видно, сердцу только ты одна мила.
Сколько лет прошло с тех пор, но и сейчас
Я к калитке подхожу в вечерний час, —
Все ищу тебя, хорошую мою.
Для которой эту песенку пою.

ТЕПЛЫЙ ВЕТЕР

Теплый ветер в лицо...
Дай мне легкую руку, и вместе
Мы пойдем по аллее
Среди молодых тополей,
По вишневым садам
Городского предместья
За веселым ручьем
По оттаявшей, теплой земле.

Мы становимся лучше,
Добрее, моложе.
Мы без слов понимаем друг друга.
Для нас
Шелест веток в саду
Стал на ласковый шопот похожим.
И не льдинка блестит,
А звезда потеряла алмаз.

Вечер синим таким
Никогда еще не был.
Видишь — вышла природа.
проста и ясна,

Золотистыми звездами
вышито небо.
Дорогая моя,
это значит — весна!

Ты сама как весна.
Ты как юность приходишь однажды.
Дай мне руку,
нас вечер весенний зовет.
Хорошо, когда в сердце
родится огромная жажда:
Жить,
работать,
любить
И итти все вперед, все вперед...

Теплый ветер в лицо.
Мы пойдем с этим вечером вместе
По аллее
среди молодых тополей,
По вишневым садам
городского предместья
За веселым ручьем
по единственной нашей земле.

***

Ты пройди по тропинке росистой
И, отбросив сомнения прочь,
С высоты соловьиного свиста
Погляди на июньскую ночь.

Сквозь кусты одичавшей сирени
Ты увидишь, как дышит река
И качаются смутные тени
Над далеким костром рыбака.

Повилика цветет на отрогах,
Месяц выпил лукаво-раскос
И побрел серебристой дорогой
Через темный задумчивый лес.

Небо вспыхнет пожаром зарницы,
Не успевшей еще отгореть.
Левобережье цветом пшеницы
Покачнется навстречу заре.

На селе закричат голосисто
Петухи, зачернеет плетень...
Ты пройдешь по тропинке росистой
В наступающий солнечный день.

* *
*

Как яблоко румяно-золотая
На ветках ночи вызрела луна.
Ее увидев ветерок растаял,
И присмирела волжская волна.

И было тихо. Впрочем не надолго.
С передней лодки поднялась звезда
Широкая и вольная, как Волга.
И шла вперед, лаская и маня;

Она росла все выше раз от раза.
Ее, казалось, молодость несла.
И падали дрожащие алмазы.
Сверкавшие на кончике весла:

И я не знаю, было ли чудесней,
И я не знаю, где еще найдешь
Такую звонкую и золотую песню
Которую запела молодежь.

АВГУСТ

Август. Яблоками и медом
Пахнет тихий вечерний час.
Где-то в поле, за огородом,
Золотистый закат угас.

Ты откроешь калитку сада,
Выйдешь к берегу на откос, —
Ветер ласковую прохладу
Из-за Волги тебе принес.

Ты спросила бы этот ветер,
Где бывал он, в каком краю,
Чью печаль или радость встретил,
Где он ласку нашел свою?

Все равно ничего не скажет
Засмеется и убежит...
Две березки стоят на страже,
Две тропиночки вдоль межи.

Здесь встречались и расставались
Не сводили друг с друга глаз.
Здесь в последний раз целовались
Прошлой осенью. А сейчас

На откосе стоишь подолгу.
Ловишь прохладный ветерок,
И глядишь в синеву, на Волгу.
Далеко глядишь на Восток.
Если б крылья тебе, как птице,
С крута берега взять разлет,
Полетела бы на границу,
Где твой сокол сейчас живет.
Может быть, он сейчас в дозоре,
Охраняет страны покой,
Чтобы ярче вставали зори
Над широкой твоей рекой.
Чтобы в августе свяли хлеба
Поднимались во весь свой рост,
Чтоб спокойно синело небо
В золотом уборе берез.
Чтобы яблоками и медом
Август встретил нас у ворот,
Чтобы радостный год от года
Жил в советской стране народ.
Вот какой он, твой сокол ясный
С Красной Орденом на груди!
Вспоминай его ежечасно,
В сентябре на побывку жди.
Расскажи, как мама, как любишь,
Как любовь берегла свою...
Пусть антоновки пахнут губы,
И два сердца в одно поют.

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬ

РАССВЕТ

Есть города старинные, — над ними
Цветет седая плесень тишины...
Глухая ночь.
Тревожно спит Владимир
Под боком у беременной жены.

Он изнемог в тревоге серых дней,
В волнении и страхе постоянном.
Ложится пыль веков, и строгие над ней
Стоят соборы строем покаянным.

И в памяти Ворота Золотые
Хранят величье исторических стезей,
И шумное нашествие Батыя,
И мирный сон владимирских князей.

Князья от хмельной браги поослабли,
У них жирок от меда и вина.
Сломались копья,
притупились сабли,
И ржавчиной покрылись стремена.

Так слава ратных подвигов погасла,
Пришел покой дремотной тишины,
И провоняли деревянным маслом
Бойницы старой крепостной стены.

Колокола трепали языками
Об удали монахов и купцов.
Вставал централ, ощерившись клыками
Решёток мрачных,
каменных зубцов...

Попы, тюремщики...
О, как здесь тесно сердцу!
Глухая ночь. Еще далек рассвет...
Томясь душой,
Здесь жил в изгнанье Герцен,
Здесь Фрунзе ждал —
Повесят или нет?

Но близок час рассвета. Он идет.
Яснеет небо. Рвутся злые тучи.
Разбил ярмо наш трудовой народ.
Народ — творец, свободный и могучий.

И двинулись рабочие полки.
Дивизии Октябрьского набора,
На мир тоски, на эти уголки.
Стонавшие под тяжестью соборов.

Немая стража Золотых Ворот
Не в силах удержать железного напора,
И в уличные коридоры
Ворвался взвод строительных работ...

Рассвет, рассвет!
Заря горит в полнеба,
И каждый миг — мой город все ясней
Встает таким, каким еще он не был.
Каким он будет
в славе наших дней.

ЗАПЕВ

«Где ты, конь мой,
Сабля золотая,
Косы полонянки молодой?..
Песня рвется,
К звездам залетая,
И тихонько гаснет над водой.

Третьи сутки
Мчимся от погони,
Растеряли золотые шишаки.
Быстроноги
Вороные кони,
Да уж больно степи широки.

Только где там...
След уже потерян
По степным яругам да кустам...
Под Казанью
Ветер входит в терем,—
Золотая горница пуста.

Все покрыли
Сизые туманы,

Утаила поздняя звезда.
Крепко спят
Дозорные у хана, —
Не проснутся больше никогда.

Третьи сутки
Мчимся от погони,
Только ночь предательски светла.
Полонянку хрупкую и тоненькую
Положил я поперек седла.

Мягким черным
Бархатом ресницы
Опустились на печальные глаза.
Может ей теперь такое снится,
Что и в сказках не сказать?

Что там —
Может, дальняя дорога,
Может, битвы отдаленный гром.
Или месяц,
Золотой, двурогий,
Над парчевым девичьим шатром?..

Девица,
Души моей отрада,
Песня черноокая моя, —
Для тебя
Над суздальской оградой
Блещут зори, золотом маня.

Розовеет Клязьма
На рассвете,
Теплый ветер песню нам поет.
Ты идешь
Через туман столетий
В сердце ненасытное мое.

И кричу я,
Ветру подпевая,
Дерзкий, загорелый, молодой:
«Дым орды
За Волгою растаял
За волной седой...».

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Я снова за песней
Угрюмой бреду,
В метель горевую
Сбиваюсь с дороги.
Косматые ели
В тяжелом бреду
Роняют холодные
Хлопья тревоги.

Позёмка играет,
И мне как во сне
Мерещатся старые
Русские зимы.
Под полозом стонет
Накатанный снег
По древней дороге
В богатый Касимов.

Заезжие гости,
Собольи меха
Раскинув по лавкам,
Ведут разговоры,

Пытают хозяина:
— Ай не слыхать
Ивана Кольцо,
Придорожного вора?

В возках у гостей
Золотая парча,
Кафтаны богатые
Хану в подарки
Да шали цветные
На мрамор плеча
Какой-нибудь смуглой,
Красивой татарке.

Но страшен и сумрачен
Волчий овраг,
Он весь перетоптан
Потайными тропами.
И остро отточена
Сталь топора,
А кони от посвиста
Встанут, как вкопаны.

На честном дувале
Открыты воза.
Ватага в плену
У хмельного разгула...
У атамана
Косые глаза,

Сурмленые брови
И резкие скулы.

Он сел у окошка
И смотрит на снег,
А снег засыпает
Лесную хибарку.
Лишь ворон спросонья
На старой сосне
О чем-то тревожно
И хрипло закаркал...

Я тоже широк
Как разбойник плечом.
Татарские скулы
И резкие брови.
И может быть в жилах
Упрямо течет
Угрюмая сила
Разбойничьей крови.

Быть может, мой предок,
Суровый Кольцо,
Всю ночь напролет
С боевою ватагой
Для важных бояр
И богатых купцов
Грозой подымался
Над Волчьим оврагом...

Но время привыкло
Свой облик менять, —
Проносятся грозы,
Редеют туманы,
Четыреста лет
Отделяют меня
От этого сказочного
Атамана.

С ним песня меня
Нынче ночью свела.
Но я ухожу.
Мне пора...
Предо мною
Моих побратимов
Большие дела
И вольное солнце
Над вольной страною.

НА СТАРОЙ ВОЛГЕ

На рассвете тучи подгуляли
И ушли, как табор кочевой.
Нахлопросоленными кулями
Да смоленой бичевой.

Грузчики распластывали спины,
Выгибали плотные кряжи,
Проклиная чортову путину,
Окаянную копейку-жизнь.

А купцы, обхаживая пристань,
Выпускали слово в оборот:
— Подружней, ребятушки,
Вы-ста, да мы-ста,
То-ись, за нами не пропадет.

Вы — хозяину, хозяин — вам то же,
Мы по-божецки, со христом.
Миром да ладом, обоим гоже,
На чем порядились — на том и стой ...

Уходило утро с Рыбинска на Туму,
И звенели брызги словно бубенцы.

Думали ребятушки по-своему думу,
Своими началами сводили концы:

Дескать, речи медовые, а пахнут дегтем.
Посул не целковый, с почтеньем дари.
Кабы вашу милость по боку, да к ногтю,
Ваших бы холуев — на фонари...

Белела зубцами красовалась Толга,[1]
Пот кропил удачу потною рукой.
Бурлаки стонали над широкой Волгой,
Матушкой,
кормилицей,
мачехой-рекой...

[1] Приволжский монастырь

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬ

Заря с зарей
Встречаются как сестры
Над темными кустами бузины,
Где вдаль холма
Поднялись гребнем острым
Седые камни крепостной стены.

В их трещинах
Живут воспоминанья.
По ним я прочитаю наизусть
Твоих времен
Правдивое преданье,
Владимирская,
Суздальская Русь!

Твои полки
Ходили на ливонцев
С тобой Великий Новгород дружил.
Бахчисарая золотое солнце
Текло по копьям
Суздальских дружин...

Как две грозы,
Идущие навстречу,
Как стая соколов
Иль ветер буревой, —
Твои богатыри бросались в злую сечу,
Гремел их клич
Призывно-боевой.

О, звон мечей
И битвы ветер пестрый,
Владимира
И Суздаля сыны!..
...Заря с зарей
Встречаются как сестры
На гребне старой
Крепостной стены.

ВЛАДИМИРКА

С этапа на этап —
По каторжной дороге...
Белеет соль
На суровье рубах.
Железо кандалов
До крови стерло ноги,
И песня умерла
На высохших губах.

Шлагбаумы застав.
На полосы косые
Урядники
Глядят из-за угла.
На обе стороны,
Во все концы — Россия
Бескрайною тоскою залегла.

Над ней
Чахоточные зори тают,
Трещит по швам
Откупленный уют,
Пока кутцы

Лабазы отмыкают,
Пока слепые
Лазаря поют.

Изныли плечи,
Отдохнуть пора бы,
Но где найдешь
Участье и приют?
Лишь на привалах
Жалостные бабы
Лепешки каторжанам подают.

— Прими, касатик... —
И метут дорогу
Под звон кандальный,
Под церковный звон.
А села смотрят,
Затаив тревогу,
На скованный штыками
Эшелон.

В Сибирь, на каторгу —
Змеей ползет дорога,
Горячий ветер
Заметает след...
Но сквозь
Звериную тоску острогов
Изгнанникам сиял
Грядущей жизни свет.

Какой огромной
Непреклонной силе
Пылать в сердцах,
Чтоб отступила мгла?..
Они сквозь путь кандальный
Проносили
Огонь борьбы,
Что партия зажгла!

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫЛЬЯ ЗНАМЕН

Полк ткачей 3
Баллада о земляке 6
Слово родине 8
Первомайское 10
Соколы летят через полюс 12
Сердце Серго 15
О девочке, такой, как ты 17
Коммунары. 20
Ночь на границе 23

СЧАСТЛИВАЯ ЗЕМЛЯ

Цветет наша родина 26
Счастливая земля 28
Утро 30
Счастье 32
Приближение весны 36
Новогодняя речь 38
Полустанок 41
Маляр 43
Привокзальная слободка 45
Возвращение 47
Песня о льне 49
Юбилейное 52
В ситцепечатной 55
Осеннее утро 57

Костры над Волгой 59
Вышивальщица 61

ЦВЕТУТ САДЫ

В поселке 63
По первой свежести 64
Вишня цветет 65
В Ременниках 66
Старому другу 67
Песенка 71
Теплый ветер 72
Ты прошли по тропинке 74
Как яблоко 75
Август 76

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬ

Рассвет 78
Запев 81
Перед рассветом 84
На старой Волге 88
Владимиро-Суздаль 90
Владимирка 92

Техн. ред. В. П. Федоров. Корректор Н. А. Смирнова.

Сдано в набор 7/VIII 1938 г. Подписано к печати 15/XI 1938 г. Тираж 3000 экз. Формат бумаги 60 × 92/32. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3. Уч. авт. л. 3,67. Изд. № 49. Инд. Х-2в. Уполномоченный Ивоблгита № В-512.

Типография издательства Ивановского облисполкома, г. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 5711.

Цена 1 руб. 65 коп.
Переплет 50 коп.